

# Новые направления исторической науки: Историческая экология

## БОРЬБА ВОКРУГ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МОСКОВСКОМ ПРОМЫШЛЕННОМ РАЙОНЕ В НАЧАЛЕ ХХ В.

А.Н. ДАВЫДОВ

Центр документационного обслуживания населения  
Главное архивное управление города Москвы  
117393, Москва, ул. Профсоюзная, 80

Развитие российского общества в последние полтора десятилетия наряду с классическими социальными конфликтами и движениями вызвало к жизни и такой, казалось бы нетрадиционный для России, веер конфликтных ситуаций, который сформировался на стыке противоречий между экономическими интересами возрождающейся буржуазии и необходимостью сохранения природной основы существования общества – окружающей среды. Ежедневно средства массовой информации тиражируют материалы о разбирательствах вокруг захватов общественных лесных угодий, истребления биоресурсов, строительства особняков в запретных водоохраных зонах, бесконтрольных сбросов в водоемы неочищенных сточных вод, нарушений технологической дисциплины в погоне за сверхприбылями и связанных с этим техногенных аварий и катастроф, уклонений от уплаты экологических налогов и штрафов и т.д. и т.п., в которых довольно часто фигурируют представители имущих кругов – предприниматели и олигархические структуры. Человеку неискушенному покажется, что такого в России еще не было. На самом же деле, актуальный вопрос о том, каким образом примирить конфликт между экономическими интересами и сохранением окружающей среды, масштабно заявил о себе более ста лет назад, на рубеже XIX–XX вв. Сохранившиеся в фондах Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ) и Российского государственного исторического архива (РГИА) документы по этой проблематике позволяют провести аналогию между нынешними конфликтами и конфликтами вековой давности, когда интересы промышленной буржуазии вступили в противоречие с требованиями властей и населения об усилении мер санитарного характера по защите окружающей среды от промышленных загрязнений, способствовавших распространению массовых эпидемий.

Архивные материалы свидетельствуют, что рост экономической активности, промышленный переворот и индустриализация вызвали в конце XIX – начале XX вв. масштабное загрязнение окружающей среды России, в первую очередь водоемов. Причем, никогда еще истребление и загрязнение природы и вызванное этим деградирующее состояние общественного здоровья не увязывалось в России так тесно с определенным классом или сословием, как это происходило в данном случае с про-

мышленной буржуазией и экологическими последствиями ее предпринимательской деятельности. В судебной практике появились обвинения по тем статья уголовного законодательства, что ранее фактически не применялись. В соответствии со ст. 111 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, нарушители санитарных правил, за загрязнение водоемов, могли подвергнуться аресту до одного месяца или денежному взысканию до трехсот рублей. Более суровая ст. 863 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, кроме арестов и штрафов, предусматривала уничтожение загрязняющих производств, в том числе и расположенных выше населенных пунктов по течению рек, за счет средств обвиняемых. Над значительной частью заводчиков и фабрикантов нависла угроза сноса их предприятий, выстроенных в предшествующую эпоху и не обеспеченных канализацией и очистными сооружениями.

Однако если в доиндустриальный период разрозненные меры центральных и местных властей по охране окружающей среды не приводили к появлению консолидированной оппозиции в этом вопросе, то усиление контроля за строительством, расширением и эксплуатацией фабрик и заводов, с точки зрения их соответствия санитарному законодательству, а также репрессивные меры административно-полицейских и судебных органов против владельцев загрязняющих производств, вызвали к жизни солидаризировавшееся движение социального недовольства фабрично-заводской буржуазии.

Начиная с 1907 г., высшая администрация пыталась, хоть и непоследовательно, проводить врачебно-санитарную реформу, в том числе разрабатывая меры по защите окружающей среды от промышленных загрязнений. В октябре 1907 г. Медицинский Совет утвердил довольно жесткие требования к сточным водам, спускаемым в общественные водоемы<sup>1</sup>. Санитарные, полицейские, судебные органы поставили вопрос о закрытии ряда производств. Защищая свои экономические интересы, фабриканты были вынуждены задействовать весь арсенал лобистской деятельности. В какой-то степени они пытались представить ситуацию таким образом, чтобы их оппозиционный настрой выглядел не как желание уклониться от законных претензий властей по поводу нарушений санитарного законодательства, а как самозашита от неприязни местного населения и чиновников к фабрично-заводскому сообществу и его капиталам. Кроме того, фабриканты указывали на несовершенство имевшихся технических средств очистки производственных выбросов и на различие в требованиях властей разных уездов и губерний в подходе к очистке сточных вод одних и тех же отраслей производства.

Столкновение мнений вокруг проблемы экологических последствий предпринимательской деятельности было, пожалуй, в наибольшей степени характерно для Москвы и окружавших ее губерний, входивших в Московский – ныне Центральный – промышленный район, где в силу специфики экономического развития была масса текстильных, красильно-аппетурных, кожевенных, пищевых производств, вызывавших своими технологическими процессами сильное загрязнение общественных водоемов. Конфликты, имевшие экологическую подоплеку, были осложнены переплетением нерешенных экономических, политических, социальных и т.п. проблем, которые были характерны для императорской России этого периода. В нараставшее противостояние между властями и промышленными кругами были втянуты биржевые комитеты, чиновники всех уровней, вплоть до председателей Совета Министров, суды всех инстанций, научное сообщество.

В Москве, в самом конце XIX – начале XX столетия, Врачебное управление активизировало деятельность по экспертизе сточных вод на местных предприятиях, предлагая их владельцам усовершенствовать фильтры для очистки сточных вод. Так, в 1902 г. исследовались сточные воды завода Русско-Американского нефтяного производства в Кусково<sup>2</sup>; в 1904–1905 гг. была проведена комплексная экспертиза сточных вод фабрик Хлебникова, Коробкова, Константиновых, Моргунова, Су-Соколова на реках Яузе и Лихоборке<sup>3</sup> и т.д. В ряде случаев фабриканты получили указания привести в порядок очистные сооружения.

Рост объемов сброса сточных вод привел к ужесточению позиций местных властей. Например, городским управлением была возбуждена жалоба на антисанитарное состояние kleеваренного завода В.Ф. Лебедева за Крестовской заставой на границе Москвы. Многочисленные осмотры завода привели экспертов и администрацию к мысли о необходимости закрытия вредного производства до его коренного переустройства<sup>4</sup>.

На протяжении нескольких лет в Московском окружном суде тянулось дело по обвинению директора Хамовнического пивомедоваренного завода Л.И. Темкина по ст. 863 в ежесуточном спуске в Москву-реку 17–20 тыс. ведер отработанных сточных вод, содержащих большое количество разлагавшихся органических веществ<sup>5</sup>. Только после получения заводом разрешения у городской управы на присоединение к канализации, судебное дело вместе с заключением об изменении подсудности было направлено в 1909 г. в Московский столичный съезд мировых судей. Однако в целом ряде случаев промышленникам, обвиненным по ст. 863, не удавалось переквалифицировать эту статью и уклониться от уничтожения предприятий.

Снос загрязняющих производств стал часто фигурировать в приговорах Владимирского окружного суда, откуда в Московскую судебную палату посыпалась апелляции возмущенных фабрикантов. Так, 28 февраля 1908 г., судебная палата, рассматривая апелляцию, утвердила приговор Владимирского окружного суда о сносе картофельно-терочного и овчинного производств Н.М. Иванова и А.Т. Ивановой на реке Кайке выше по течению деревни Медведева Сузdalского уезда. Мнения местного населения при этом разделились. Те, кто жил ниже по течению, были инициаторами судебного разбирательства, а те, кто пользовался пищевыми отходами с этих предприятий, ходатайствовали об отмене судебного преследования. Имущественные интересы были тесно переплетены с экологической подоплекой конфликта<sup>6</sup>.

Отстаивание своих интересов в судах с привлечением опытных юристов превратилось в одну из главных форм защиты интересов промышленников, которые пытались найти прорехи в устаревшем законодательстве. Классическим случаем была апелляция к тому факту, что заведение не имело статус фабрики или завода и тем самым, якобы, выводилось из под действия ст. 863. К такому аргументу прибег обвиненный окружным судом владелец склада и предприятия по обработке кожи в г. Жиздры Костромской губернии В.Г. Блюмбаум. Однако Правительствующий сенат, при рассмотрении его кассационной жалобы, признав отсутствие в отечественном законодательстве точных и ясных признаков для разграничения заводских и ремесленных заведений, напомнил о том, что речь шла всего лишь о применении ст. 863, которая была направлена на защиту народного здравия и опиралась на ст. 655 Устава медицинской полиции, перечислявшую наряду с заводами и фабриками прочие заведения, вредные для чистоты воздуха и воды<sup>7</sup>.

В ряде случаев фабриканты предъявляли судам разрешительные документы на строительство или расширение построек и требовали признать, что их вина заклю-

чалось всего лишь в плохом санитарном содержании предприятий. Признание такого факта грозило бы лишь временным закрытием производства до переустройства фильтров, но не его уничтожением. Суды на это реагировали разной правоприменительной практикой. Например, в апелляции в Московскую судебную палату на приговор Ярославского окружного суда от 4 февраля 1910 г. о сломе тряпично-отбельного заведения, его владелец И.А. Воробьев, признав факт спусков грязи в реку, заявлял, что его «можно обязать содержать завод так, чтобы грязь в реку не попадала. Экспертизой установлено, – добавлял он, – что этого вполне возможно достигнуть или путем закапывания грязи, или путем искусственного очищения ее; правда, это будет стоить дорого, но не дороже сломки и прекращения производства»<sup>8</sup>. Однако судебная палата 28 сентября 1911 г., а затем и уголовный кассационный департамент Правительствующего сената 28 января 1912 г. утвердили решение о сносе заведения, посчитав его устройство на реке Которосли, выше Ярославля по течению, нарушением соответствующей статьи Устава строительного<sup>9</sup>. Зато ковровской мещанке П.Г. Царьковой, приговоренной 24 октября 1912 г. окружным судом к слому торговой бани, удалось доказать в судебной палате, что заведение ее было выстроено правильно, но содержалось без фильтров, которые, по указанию экспертов, была готова быстро установить<sup>10</sup>.

Еще одна юридическая зацепка – это указание на то, что воздух и вода вокруг предприятий были и без обвиняемых уже давно и сильно загрязнены. Здесь судебная практика также была различной. Так, 26 февраля 1913 г. Московская судебная палата утвердила приговор Владимирского окружного суда от 8 июня 1912 г. об уничтожении в г. Коврове мыловаренного завода крестьянина Д.С. Углова, хотя последний и писал в своей апелляции, что «заразы в гор. Коврове от мыловаренного завода нет, и какая может быть зараза, если в воздухе так много и без того разных микробов»<sup>11</sup>. Однако в ряде судебных заседаний зафиксированы и прямо противоположные решения. В 1913 г. владелец красильно-аппетурной фабрики в московском Лефортово Н.Н. Манежев был оправдан по ст. 863, в том числе и потому, что суд учел мнение эксперта, полагавшего, что «устройством даже самого совершенного фильтра нельзя устраниТЬ загрязнения воды в реке Яузе, которая и без того настолько загрязнена, что не признается годной для питья»<sup>12</sup>.

Нарастание количества судебных и административных исков против промышленников вылилось в поиск ими других методов отстаивания собственных интересов. Один из них – подача консолидированных петиций в правительственные инстанции и поиск союзников в лице чиновников из Министерства торговли и промышленности. 2 августа 1910 г. в Московский биржевой комитет поступила жалоба серпуховских фабрикантов на московского губернатора В.Ф. Джунковского, грозившего не ограничиваться штрафами за загрязнение водоемов, а прямо сажать фабрикантов и закрывать их заведения. Владельцы фабрик просили биржевой комитет «ходатайствовать перед министром торговли и промышленности о выработке и проведении в жизнь законопроекта, точно нормирующего требования относительно спуска вод фабриками и другими учреждениями»<sup>13</sup>. Серпуховичане, а с ними и остальные промышленники отмечали, во-первых, неопределенность понятия порчи воды и ее разную трактовку местными властями. Во-вторых, они указывали на то, что власти не принимали в расчет размеров водоемов в сравнении с количеством спускаемых в них сточных вод. «А между тем, – писали фабриканты, – это обстоятельство должно бы играть громадную роль, ибо нельзя, например, ве-

дром грязи испортить море»<sup>14</sup>. В третьих, фабриканты считали, что власти не учитывают того, о какой воде шла речь, ибо из многих водоемов вода бралась только для хозяйственных нужд, а не для питья. «Требования об очистке, – говорилось далее в прошении, – предъявляются совершенно не соображаясь с тем, имеется ли у фабрикантов достаточно земли для устройства очистительных приспособлений, а также не считаясь с тем, что это устройство и эксплуатация его вызывает громадные затраты, тяжелым бременем ложащиеся на фабриканта»<sup>15</sup>.

Ситуация явно накалялась. Угроза подвергнуться тюремным заключениям нависла над промышленниками и даже их женами и дочерьми, входившими в состав правлений акционерных обществ. Поэтому, когда 3 августа 1910 г. Иваново-Вознесенский комитет торговли и мануфактур обратился к председателю Московского биржевого комитета Г.А. Крестовникову с идеей посылки совместной делегации в столицу для решения обострившегося вопроса, эта инициатива была быстро подхвачена и переросла в неожиданное начинание. 16 августа 1910 г. совместная докладная записка Московского биржевого комитета и Иваново-Вознесенского комитета торговли и мануфактур была подана министру торговли и промышленности С.И. Тимашеву с просьбой принять меры для приостановления судебных преследований впредь до выработки «положительных способов очистки воды»<sup>16</sup>. В качестве конструктивной альтернативы биржевики предложили создать на средства фабрикантов экспертный комитет, способный выработать способы очистки сточных вод для предприятий Московского промышленного района. При этом они ссылались на удачный западный опыт, а также первые результаты работы экспертного комитета при Всероссийском обществе сахарозаводчиков по исследованию стоков с сахарных заводов в Киевской, Подольской и Волынской губерниях. Таким образом, к протестной форме защиты своих интересов фабриканты и заводчики прибавили перспективное начинание, показав правительству и местным администрациям свою заинтересованность в эффективном разрешении вопроса очистки сточных вод и готовность вложить в это дело свои, хоть и ограниченные, капиталы.

23 августа 1910 г. С.И. Тимашев переслал эту записку министру юстиции И.Г. Щегловитову, который пришел к заключению, что «возбуждение дел об ответственности фабрикантов за порчу воды в реках не угрожает опасностью отечественной промышленности, что интересы местного населения требуют принятия самых энергичных мер к обязанности владельцев фабрик устроить приспособления для очистки сточных вод и что одним из средств воздействия на фабрикантов является возбуждение против них судебного преследования»<sup>17</sup>. Такой вывод не остановил С.И. Тимашева, которому удалось организовать в декабре того же года в Санкт-Петербурге Особое межведомственное совещание по обсуждению мер охраны водоемов от загрязнения сточными водами, в том числе путем создания вышеозначенного экспертного комитета<sup>18</sup>. Опираясь на мнение совещания, признавшего, что создание местных организаций смешанного состава из представителей администрации, общественных самоуправлений, науки и промышленности для разработки, применительно к местным условиям, практических способов охраны водоемов от загрязнения фабрично-заводскими сточными водами следует, несомненно, приветствовать как меру серьезного практического значения, министр торговли и промышленности направил представление в Совет Министров<sup>19</sup>.

12 июля 1911 г. император Николай II подписал «Положение о временном комитете по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района от

загрязнения сточными водами и отбросами фабрик и заводов», действие которого распространялось на Московскую, Владимирскую и Тверскую губернии<sup>20</sup>. В будущем пионерское начинание предполагалось распространить и на другие губернии центральной России.

Уточнение позиции промышленного сообщества в отношении способов решения экологических проблем происходило на VI съезде представителей промышленности и торговли, где был заслушан доклад члена юридической комиссии Московского биржевого комитета В.В. Рота «Положение вопроса о сточных водах фабрик и заводов в России»<sup>21</sup>. В докладе констатировалась неприемлемая для предпринимателей практика произвольного толкования имевшихся законоположений о сохранении чистоты воздуха и воды и была предложена резолюция о выходе в правительство с ходатайством о пересмотре существующих санитарных законов «в смысле предъявления к промышленникам требований по очистке сточных вод и исходящих газов в пределах технической возможности и условий данного района»<sup>22</sup>.

Выполнение резолюций VI съезда привело к образованию в мае 1912 г. при Совете съездов представителей промышленности и торговли в Санкт-Петербурге Особого совещания о сточных водах фабрик и заводов. Его заседания были посвящены независимому рассмотрению законопроекта о санитарной охране воздуха, воды и почвы, разработанного к тому времени Главным врачебным управлением МВД. Не решаясь выдвинуть свой контрпроект, Особое совещание, оперируя мнением биржевых комитетов, подвергло правительственный законопроект критике, обобщив свои предложения в записке на имя министра торговли и промышленности<sup>23</sup>. Ряд положений законопроекта был впоследствии изменен, но не столь существенно, как того желали фабриканты и заводчики.

Новая серия обвинительных актов, особенно в г. Шуе и Кинешемском уезде Костромской губернии, заставили председателя Московского биржевого комитета обратиться 17 декабря 1912 г. к председателю Совета министров В.Н. Коковцову с письмом о расширявшейся практике привлечения к суду целых групп фабрикантов и заводчиков<sup>24</sup>. Г.А. Крестовников надеялся на лояльную позицию и понимание председателя Совета министров, который за несколько месяцев до этого письма посетил заседание биржевого собрания в Москве и выступил с обещанием поддержки промышленно-торгового сообщества в интересах экономического роста в России.

На обращение В.Н. Коковцова сообщить свои соображения по письму Г.А. Крестовникова министр юстиции И.Г. Щегловитов ответил 1 февраля 1913 г. отказом прекращать уголовные преследования, предположив, что «означенная мера, направленная в пользу сравнительно небольшого числа лиц, материально обеспеченных, способствовала бы развитию недовольства народных масс и могла бы возбудить вражду между отдельными классами населения»<sup>25</sup>.

Сглаживание возникавших конфликтов упиралось в отсутствие общемперского санитарного закона. 12 декабря 1913 г., министр внутренних дел внес в IV Государственную Думу законопроект «О санитарной охране воздуха, воды и почвы»<sup>26</sup>. Статистический материал, в избытке представленный в этом документе, не оставлял сомнений в прямой зависимости острой демографической ситуации от степени загрязненности окружающей среды. Встревоженные отсутствием в законопроекте предлагавшихся ими поправок, фабриканты и заводчики с 4 февраля 1914 г. возобновили деятельность Особого совещания о сточных водах фабрик и заводов. Тревога биржевиков упрочилась еще и в связи с рассылкой циркуляра МВД № 795 от

27 июня 1913 г., потребовавшего от губернаторов и градоначальников строго наблюдать за охранением рек и почвы от загрязнения. Как писал коллегам в столицу председатель Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района Ю.П. Гужон, этим отменялось «молчаливое соглашение надлежащих министерств о приостановлении всех дел, возникших на почве привлечения заведующих фабриками за несоблюдение указанных выше постановлений»<sup>27</sup>.

Упомянутое Общество фабрикантов и заводчиков Московского промышленного района в феврале 1914 г. распространило специальную анкету для уточнения ситуации с судебными преследованиями на местах. 3 апреля 1914 г. Ю.П. Гужон, проинформировав коллег из Санкт-Петербурга о привлечении к уголовной ответственности 11 заведующих предприятиями Московского промышленного района и неудачных попытках председателя Совета съездов Н.С. Авдакова апеллировать по этому поводу к министру внутренних дел, заявил о своем экстраординарном поступке – посыпке срочной телеграммы на имя председателя Совета министров И.Л. Горемыкина с надеждой привлечь внимание к проблеме судебных преследований. В телеграмме сквозил намек на существование мощного единения фабрично-заводских кругов против практики уничтожения предприятий. «Совет Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района, – телеграфировал Гужон, – озабоченный сохранением нормального течения промышленной жизни и соблюдением спокойствия среди рабочего населения Московского округа, от лица шестисот фабрик и заводов, входящих в нашу организацию, с рабочим составом в 293 693 чел., решается доложить Вашему Высокопревосходительству, что такие преследования неминуемо внесут расстройство в фабричную жизнь и создадут смуту в рабочей среде при расчетах, вызванных закрытием фабрик»<sup>28</sup>. На самом деле, закрытие предприятий не было столь уж масштабным, но фабрикантов настораживала общая тенденция, грозившая стать помехой экономическому росту и затрагивавшая их имущественные интересы.

17 апреля 1914 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков сообщил Горемыкину о невозможности удовлетворить ходатайство Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района о приостановлении уголовных преследований, так как это привело бы, по словам министра, к тому, что «деятельность промышленных заведений до вступления в силу нового закона не регулировалась в санитарном отношении никакими узаконениями и тем самым были бы отменены даже и те минимальные требования, которые установлены действующими законоположениями»<sup>29</sup>. Министерство юстиции заняло аналогичную позицию и не поддалось давлению со стороны промышленного сообщества. Более того, его позиция даже ужесточилась. 24 марта 1914 г. при министерстве юстиции состоялось межведомственное Совещание для обсуждения вопроса о необходимых мерах к ускорению применения судебной репрессии по делам о нарушениях правил санитарной охраны, которое предложило разработать законопроект, позволявший, в частности, закрывать загрязняющие производства, еще до вынесения обвинительных приговоров<sup>30</sup>. Такая позиция определялась длительным затягиванием судебных процессов, в то время как водоемы продолжали интенсивно загрязняться.

28 февраля 1914 г. МВД представило в Думу дополнительный законопроект «О санитарной охране воздуха от загрязнения дымом», который предлагалось одобрить как можно скорее и распространить на города с населением не менее 40 тысяч населения, а также курорты, климатические станции, промышленные предприятия,

паровые суда<sup>31</sup>. Ряд промышленных организаций тут же потребовал согласовать эту законотворческую инициативу «с потребностями практической промышленности»<sup>32</sup>. Министерство торговли и промышленности, вслед за фабрикантами, подвергло многие статьи этого проекта критике, посчитав, в частности, нежелательным распространять действие законопроекта на малые города с неразвитой промышленностью. Однако МВД, напротив, напрямую связывало загрязненность этих городов с ростом промышленности. «Важно принимать меры оздоровления в городах заблаговременно, а не тогда, когда эти города, благодаря развитию в них промышленности и скученности населения, окажутся крайне загрязненными в санитарном отношении», - обоснованно делали вывод чиновники МВД<sup>33</sup>.

В 1915–1916 гг. внимание промышленных кругов было приковано к ситуации вокруг акционерного общества «Вискоза» из Мытищ. Директор-распорядитель «Вискозы» был подвергнут судебному преследованию за загрязнение местного водоема, а над единственной в воевавшей России фабрикой искусственного шелка нависла угроза закрытия. Этот случай был преподан промышленным сообществом как особо наглядный пример притеснения фабрикантов. 15 декабря 1915 г., усиливая нажим на правительственные инстанции, Совет съездов обратился в министерство юстиции с просьбой приостановить производящиеся в судах дела по ст. 111 и 863 вплоть до одобрения нового закона «О санитарной охране воздуха, воды и почвы»<sup>34</sup>. В ответном письме первый департамент министерства юстиции подробно мотивировал свое несогласие с промышленниками, указывая на то, что «при полной неизвестности, будет ли внесенный в Государственную Думу законопроект одобрен законодательными учреждениями, и когда именно он получит силу закона испрашиваемое Советом съездов представителей промышленности и торговли приостановление уголовных дел на неопределенное время устранило бы охрану элементарных санитарных требований на фабриках и заводах, к явному ущербу для народного здравия и благосостояния»<sup>35</sup>. Кстати, упование промышленников на новый законопроект выглядело по крайней мере странным, так как его принятие лишь усилило бы степень наказания за загрязнение окружающей среды. Вероятно, промышленники старались извлечь максимальную пользу из состояния неопределенности с принятием законопроекта, на который предпочитали ссылаться, но который вряд ли горели желанием исполнять, если таковой был бы принят без поправок фабрично-заводского сообщества. Лукавство это чувствовалось и не оставалось незамеченным. С другой стороны, фабриканты действительно надеялись получить стандартные, а не различающиеся по разным губерниям и уездам, санитарные требования. Они также надеялись убрать нереальную, по мнению практиков промышленного дела, установку МВД и Медицинского Совета на спуск с производств «абсолютно очищенной воды». Об этом говорилось в очередном послании министру юстиции от 1 февраля 1916 г.<sup>36</sup>

Что касалось законопроекта «О санитарной охране воздуха, воды и почвы», то, пройдя предварительное обсуждение, он был рекомендован 18 мая 1916 г. к обсуждению в Общем Собрании Думы<sup>37</sup>. Однако последовавшие революционные события не позволили принять первый в истории России комплексный экологический закон, который, как надеялись и промышленники и правительство, мог бы смягчить остроту конфликтных ситуаций вокруг закрытия загрязняющих производств.

Между тем, в 1916 г. закончился и пятилетний срок деятельности «Временного комитета по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного рай-

она о загрязнении сточными водами и отбросами фабрик и заводов». Группой талантливых экспертов под руководством С.П. Лангового была проделана объемная экспертная работа, но она не шла ни в какое сравнение с масштабом нерешенных экологических проблем. Принятие Московским биржевым комитетом в декабре 1916 г. решения о продолжении еще на пять лет финансирования работ комитета<sup>38</sup> подтверждало то доверие, которое оказывалось экспертам промышленными кругами, не терявшими надежду получить эффективные рецепты очистки сточных вод без значительного ущерба для собственных капиталов.

Таким образом, в предреволюционное десятилетие внимание и государства, и фабрично-заводского сообщества было привлечено к острой проблеме экологических последствий предпринимательской деятельности. Представители власти пытались, подчас довольно жесткими мерами, быстро решить насущные вопросы оздоровления населения и окружающей среды. Фабрично-заводская буржуазия в поисках компромисса вышла, через массу судебных разбирательств на идею развития экспертного дела и участия в законотворческом процессе по выработке санитарного законодательства. Однако наступил 1917 г., и революционный кризис до такой степени затушевал и отодвинул в тень события, связанные с движением предпринимательских кругов вокруг проблемы загрязнения окружающей среды, что эти аспекты и истории отечественного предпринимательства и истории формирования государственной экологической политики «затерялись» не только для неискушенных потомков, но и для специалистов.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> См. об этом: РГИА. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 250. – Л. 20–22об.

<sup>2</sup> ЦИАМ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 2660.

<sup>3</sup> Там же. – Д. 2817.

<sup>4</sup> Там же. – Ф. 142. – Оп. 17. – Д. 1300.

<sup>5</sup> Там же. – Оп. 1. – Д. 1123.

<sup>6</sup> Там же. – Ф. 131. – Оп. 2. – Д. 90.

<sup>7</sup> Там же. – Л. 35–35об.

<sup>8</sup> Там же. – Оп. 18. – Д. 249. – Л. 2об.

<sup>9</sup> Там же. – Л. 26 об., 32.

<sup>10</sup> Там же. – Оп. 19. – Д. 243.

<sup>11</sup> Там же. Д. 155. – Л. 2.

<sup>12</sup> Там же. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 643.

<sup>13</sup> Там же. – Ф. 143. – Оп. 1. – Д. 385. – Л. 3.

<sup>14</sup> Там же. – Л. 2.

<sup>15</sup> Там же. – Л. 2–2об.

<sup>16</sup> Там же. – Л. 18об.

<sup>17</sup> РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 10. – Д. 1124. – Л. 21.

<sup>18</sup> Протокол совещания см.: Там же. – Ф. 23. – Оп. 27. – Д. 172. – Л. 1–20.

<sup>19</sup> Там же. – Л. 21–27.

<sup>20</sup> ПСЗ-3. – Т. 31. – № 35623.

<sup>21</sup> ЦИАМ. – Ф. 143. – Оп. 1. – Д. 417. – Л. 52–55об.

<sup>22</sup> Там же. – Л. 55об.

<sup>23</sup> РГИА. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 250. – Л. 149–156об.

<sup>24</sup> ЦИАМ. – Ф. 143. Оп. 1. – Д. 417. – Л. 111–113.

<sup>25</sup> РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 10. – Д. 1124. Л. 23–24.

- <sup>26</sup> Там же. – Ф. 1278. – Оп. 6. – Д. 508. – Л. 1–51.
- <sup>27</sup> Там же. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 251. – Л. 45–45об.
- <sup>28</sup> Там же. Л. 139.
- <sup>29</sup> Там же. – Ф. 1276. – Оп. 10. – Д. 1124. – Л. 1об.
- <sup>30</sup> Там же. – Ф. 1405. – Оп. 532. – Д. 171. – Л. 7об.
- <sup>31</sup> Там же. – Ф. 1278. – Оп. 6. – Д. 1158. – Л. 3–14.
- <sup>32</sup> ЦИАМ. – Ф. 143. – Оп. 1. – Д. 522. – Л. 123–126.
- <sup>33</sup> РГИА. – Ф. 1405. Оп. 532. – Д. 170. – Л. 56–56об.
- <sup>34</sup> Там же. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 251. – Л. 253–254.
- <sup>35</sup> Там же. – Л. 260об.
- <sup>36</sup> Там же. – Л. 270.
- <sup>37</sup> Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Четвертый созыв. Сессия IV. 3 сентября 1915 – 20 июня 1916 г. – Пг., 1916. – С. 139.
- <sup>38</sup> ЦИАМ. – Ф. 143. – Оп. 1. – Д. 417. – Л. 207.

## THE STRUGGLE OVER ENVIRONMENTAL IMPACT OF BUSINESS ACTIVITIES IN MOSCOW INDUSTRIAL REGION AT THE BEGINNING OF THE 20<sup>TH</sup> CENTURY

A.N. DAVYDOV

Center of Documentation Service  
Governing Administration of the Moscow City Archives  
80 Profsoyuznaya ul., Moscow, 117393 Russia

The article describes the establishment of the consolidated position of the industrial bourgeoisie class of Russia's central provinces with respect to conflicts caused by the environmental impact of business activities at the beginning of the 20<sup>th</sup> century.